

кампо
Сан-Стас

кампо де
Кармини

ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

**КОФЕ, ОТЕЛЛО И ПАНТАЛОНЕ,
КОТ, ТАБАКЕРКА... И ЩЕДРАЯ ТРОНА**

ОТ КАМПО САН-СТАЕ К КАМПО ДЕИ КАРМИНИ

Наша четвертая прогулка по Венеции тайн и легенд пересекает три сестъера: Сан-Поло, Санта-Кроче, Дорсодуро. Начнем мы с одного из редких кампо, развернутых в сторону Каналь Гранде, — кампо Сан-Стае (*camпо San Stae*), на котором возвышается одноименная церковь с фасадом 1709 года Доменико Росси.

В этой церкви похоронен Антонио Фоскарини — венецианский сенатор, до того бывший послом в Лондоне, а в 1622 году обвиненный в «тайном и неоднократном посещении министров иностранных держав <...> ночью и днем, переодетым и нет, и в раскрытии им, за денежное вознаграждение, наиболее <...> сокровенных тайн Республики». Фоскарини был арестован и немедленно осужден. Его задушили в камере и подвесили за ногу между колонн на пьядетте Сан-Марко. Леди Анну д'Арундель, жену британского посла и крестницу королевы Елизаветы Английской, сочли соучастницей заговора и вынудили покинуть город. Похоже, она объяснила лично дожу Антонио Приули, что Фоскарини уединялся в палаццо Мочениго с одной-единственной целью: заняться с ней любовью.

Неудивительно, что на людях женщина категорически отвергала все обвинения и настаивала, что ни в чем не виновна. Но шесть месяцев спустя был оправдан и Фоскарини. Власти во всеуслышание признали свою ошибку, выкопали тело Фоскарини и устроили ему пышные государственные похороны, а потом воздвигли бюст в церкви Сан-Стае. Очевидно, никакого заговора не было или же все предпочли сделать вид, что его не было. Вообще по поводу международных политических интриг Венеции существует немало увлекательных теорий. Например, о так называемой «черной знати Венеции», якобы вот уже тысячу лет контролирующей судьбы мира...

85

85 Термин «черная знать» (*Nobiltà Nera*), или, точнее, «знать в черном», возник применительно не к венецианским, а к римским аристократическим семействам, которые, будучи тесно связаны с папским двором, после того как в 1870 году папа лишился светской власти, разделили с ним добровольное затворничество в Ватикане (черный — цвет траура), встречаясь только друг с другом и создав таким образом элитный закрытый клуб, действительно решавший немало вопросов. Позже термин «черная знать» был приложен к подобному предполагаемому «клубу» в Венеции.

В Венеции принято переименовывать на свой лад имена святых. Сан-Стае — это венецианский вариант имени святого Сан-Эустакио (св. Евстахий). На берегу напротив мы находим церковь Сан-Маркуола (Эрмагора и Фортунато, св. Гермагор и Фортунат). В Дорсодуро — Сан-Тровазо (Джервазио и Протазео, св. Гервасий и Протасий). А еще в городе есть Сан-Заниполо (Джованни и Паоло, св. Иоанн и Павел), Сан-Поло (Паоло, апостол Павел), Сант-Аполнар (Аполлинаре, св. Аполлинарий), Сант-Альвизе (Лодовико, св. Людовик) — вот только некоторые примеры.

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ ЯСНЕЙШЕЙ ❀

Королева Елизавета II Английская, а с ней и весь Виндзорский дом, возможно, состоит в родстве с одним из первоначальных семейств «черной знати Венеции», связанных со всеми королевскими домами Европы: Гогенцоллернами и Ганноверами в Германии, Бурбонами во Франции, Оранским домом в Голландии, монархскими Примальди, австрийскими Габсбургами, итальянским Савойским домом и многими другими. Своего рода «мировое тайное общество», определяющее в том числе и деятельность ООН.

Рассуждать об этом обществе, зародившемся в Венеции и столетиями воздействовавшем на весь мир благодаря череде тщательно продуманных преступлений, взялся в 1985 году Джон Коулман, шестидесятилетний экс-агент MI-6, британской службы внешней разведки. Согласно его построениям, венецианская «черная знать» внедрилась не только в королевские дома, но и в наиболее влиятельные мировые корпорации, основные тайные общества и масонские ложи, контролируя таким образом направления развития мирового рынка.

«Первый из трех крестовых походов, осуществленных в период с 1063 по 1123 год, — пишет Коулман, — установил власть черной знати и упрочил власть богатого правящего класса. Власть аристократов черной знати в Венеции стала абсолютной к 1171 году, когда пра-

во выбирать дожа перешло к органу, известному под названием Большого Совета, члены которого принадлежат к коммерческой элите. С того времени Венеция оставалась в их руках, но власть и влияние венецианской черной знати далеко выходили за границы самой Венеции, сказываясь в любом уголке земного шара».

В наши дни потомки тех первых венецианцев держат власть через контроль рынка полезных ископаемых. Например — устанавливая цену на золото и контролируя цены на медь, цинк, свинец и олово, не говоря уж про нефть. В соответствии с этой теорией, поддержанной через несколько десятилетий другим политологом, Яном ван Хельсингом, среди компаний, подчиняющихся семействам из числа венецианской черной знати — *British Petroleum, Oppenheimer, Lonrho, Philbro* и десятки других...

Пройдите салицаду Сан-Стае, пока не увидите справа калле Ка Трон (*calle Ca' Tron*), в глубине которой — то, что осталось от сада дворца, то есть самого Ка Трон. За много веков с семьей Трон случилось всякое, но на долю одного из Тронов — Пьеро — выпало совсем уж необыкновенное происшествие. Когда у него родилась дочь, он, по обычаям того времени, взял ей кормилицу из простого народа. Когда же пришло время, он выдал свою дочку за дворянина, а дочке кормилицы, сверстнице своей дочки, подыскал в мужья сапожника. И все бы ничего, но на смертном одре кормилица, в несколько запоздалом приступе раскаяния, призналась: еще в колыбельке она поменяла двух малюток. Так что ее собственная дочь вышла за дворянина, а сапожницей стала урожденная Трон.

Семейству Трон Яснейшая обязана только одним дожем, Николо, правившем в 1471—1473 годах. Мог быть и еще один, Филиппо, чья кандидатура на высший пост выдвигалась в 1501 году — не будь он таким жирным, что сердце его лопнуло за несколько дней до голосования. Среди Тронов — десятки доблестных воинов, защищавших Республику от турок, но есть и один предатель: Джироламо Трон, казненный в 1504 году между колонн Палаццо Дукале за то, что он, будучи губернатором, уступил туркам скалу Лепанто.

ЩЕДРЫЙ ДАР ЧЕЧИЛИИ ЗЕН ТРОН ❀

ругие представители семейства Трон, часто упоминаемые в хрониках, — две невестки, Чечилия Зен Трон и Катерина Дольфин Трон (они были замужем за родными братьями Трон и друг друга терпеть не могли). Первая из них царила в венецианских салонах XVIII века. Любовница — среди прочих — графа Калиостро, она прямо-таки прославилась своим более чем легкомысленным отношением к вопросам морали. И невозмутимо несла свою двусмысленную славу. В 1782 году, перед вызывавшим ажиотаж спектаклем в театре Сан-Бенето, благородную даму уговорили сдать свою ложу графу и графине Северным (то есть путешествующим инкогнито русскому престолонаследнику Павлу Петровичу, сыну Екатерины II, и его супруге Марии Федоровне). Она содрала с высочайших гостей неслыханную по тем временам сумму — 80 цехинов. Что породило эпиграмму, которая прямо во время спектакля пошла гулять среди публики:

Молодчина Трона!
Ложу ввечеру
продает дороже,
чем свою дыру.

Дама ничуть не смутилась. Ее ответ оказался коротким и хлестким:

*La Trona
la mona
la dona.*

То есть: «Трона дыру дарит!»

Выйдите из корте Дандоло (*corte Dandolo*) и ступайте прямо по калле дель Форно (*calle del Forno*, «Печная улица»). Потом поверните направо на калле дель Тентор (*calle del Tentor*, «улица Красильщиков») и двигайтесь по ней, пока не доберетесь до понте и рамо с тем же названием. Во многих районах Венеции «низолети» (*nizoleti* — особые венецианские уличные таблички) указывают связь этих мест с красками. Законы Яснейшей республики четко определяли оттенки, которые должны иметь краски. И все прекрасно различали «алый» (*scarlatto*) и, скажем, «кошенилевый» (*chermesino*).

КРАСИЛЬЩИКИ И ПРИЗРАКИ ☼

Секреты красок охранялись столь ревностно, что это породило обычай, подобного которому не сыскать в истории: в дни, непосредственно предшествовавшие составлению смесей (которое всегда происходило открыто, зачастую — прямо посреди корте), запускалась, чтобы отпугнуть любопытных, сказочка о белом призраке, якобы незримо присутствующем среди красильщиков, об убийце в колпаке, о великане с фонариком и тому подобном.

И пока красильщики трудились (а происходило это всегда по ночам), кто-нибудь из учеников, переодевшись в соответствии с распущенным слухом, ходил по соседним дворам, запугивая тех, кто из любопытства или, чтобы действительно выведать секреты, пытался подсматривать. Поэтому слово *scarlatto*, помимо обо-

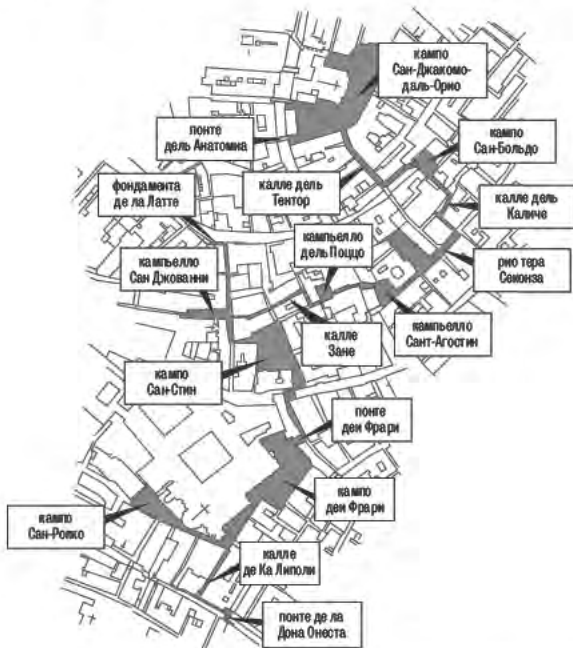

значения цвета, приобрело еще и другое значение — безотчетный страх.

Выйдя из рамо дель Тентор, поверните налево, идите по калле дель Меджо (*calle del Megio*), а потом направо, к рамо и к понте дель Меджо. Сойдя с моста, ступайте по калле Ларга (*calle Larga*). И в конце ее перед вами откроется кампо Сан-Джакомо-даль-Орио (*campo San Giacomo da l'Orio*).

Когда Венеция была еще группкой островов, на этом острове обитало множество волков, откуда и выводят название кампо: лупарио (*lupario*, «волчат-

86 Среди московских коллокольничьих также существовал обычай распространять заведомо неправдоподобные слухи в день отлива больших колоколов. Правда, не для того, чтобы отпугнуть посторонних, а чтобы колокол оказался «языкатым», то есть громче звенел.

ник») — лорио — орио. Но существуют и другие версии. По одной из них название происходит от фамилии кого-то из местных жителей, по другой — от искаженного выражения *dal rio*, на набережной, подчеркивающего расположение церкви.

Некогда кампо использовали для игры, ставшей предшественницей современного футбола. «Благородной Игре в мяч, — читаем в одном из томов старинного архива, известного как Собрания Чиконьи, — дали начало наши патриции на кампо Сан-Джакомо-даль-Орио в минувшие века. Тогда играли не так часто, как ныне. Но поскольку добрых игроков становилось все больше, решено было оную площадь в 1711 году замостить».

Косыки входной двери и рамы всех окон палаццо Пемма (№ 1624) обладают интересной особенностью: они обтесаны не прямо, как положено, а косо, — так, чтобы окна смотрели на калле Ларга, в сторону, противоположную абсиде (алтарной части) церкви. Такая странность, очевидно, возникла по воле одного из хозяев здания — иудея, не желавшего, чтобы из его окон открывался вид прямо на церковь.

Обойдите церковь по часовой стрелке. Здание, заметное только в углу площади, между двух мостов, — это старый Анатомический театр. В Венеции с 1368 года специальный закон признавал полезным — в строго определенных сезоны — рассечение трупов с научными целями. Но лишь в 1671 году город обзавелся для этого специальным помещением. Прежде подобные изыскания проводились в церквях, монастырях или скуолах. Выбор последних объяснялся двойным назначением этих зданий — не только места для общей молитвы, но и места для профессиональных собраний. Венеция, наравне с Падуей, университетским городом, издавна была в авангарде медицины и фармакологии. Она может гордиться такими выдающимися фигурами, как, например, Никколо Масса, который в 1536 году составил один из первых анатомических атласов — *Anatomiae*

87

Libri Introductorius — и первым описал простату, мускулатуру языка и спинномозговую жидкость.

НИККОЛО МАССА И ВЕНЕЦИАНСКАЯ АНАТОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА ❀

детства окруженный гуманитариями, а потом — и медиками-хирургами, но вынужденный прервать обучение после смерти отца (погибшего от чумы), Никколо Масса в считанные годы выдвинулся на первые роли в Коллегии венецианских врачей. Этому способствовала как его компетентность при проведении хирургических операций, так и решительность, с которой он отказывался от лестных предложений мирских владык и князей церкви.

88

Будучи экспертом в диагностировании и лечении сифилиса, в 1527 году он опубликовал в Венеции *Liber de Morbo Gallico*, один из наиболее заметных и цитируемых трактатов XVI века. В нем рассматривались вещи, о которых, по признанию самого автора, «никто до меня ранее не писал». Масса вводит в научный оборот множество новых наблюдений, собранных им как в ходе врачебной практики, так и в результате многочисленных вскрытий: анатомия, в особенности патологоанатомия, была одним из тех предметов, которые его горячо интересовали.

Также он был известен своим умением определять чуму не только «у тех, кто умер от чумы, не имея видимых признаков», но и у тех, кто «не жалуется ни на что и не имеет на своем теле никаких отметин». В 1535 году власти Яснейшей возложили на него обязанность расследовать, что за эпидемия распространилась по городу. Так он начал выделять из бывшего в ходу в XVI веке общего обозначения «мор» отдельные заболевания — чуму, сыпной тиф и другие страшные болезни, а так-

87 «Введение в анатомию» (лат.).

88 «Книга о французской болезни» (лат.).

